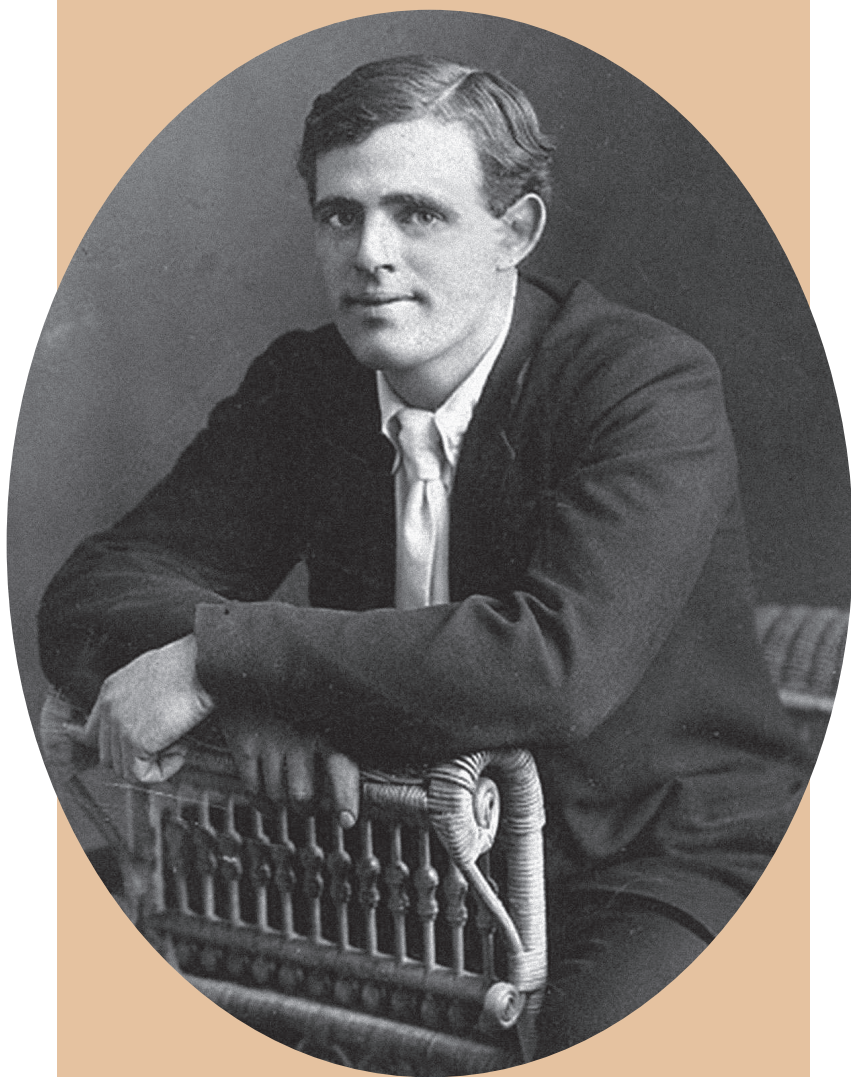

Маленькая
хозяйка
Большого
дома

Джек Лондон

Перевод с английского В. Станевич,
перевод стихов Н. Банников

Москва
2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л76

Jack London
A Little Mistress of Big House

Перевод с английского *В. Станевич*,
перевод стихов *Н. Банников*

Разработка макета и оформление серии *Яны Паламарчук*

Лондон, Джек.
Л76 Маленькая хозяйка Большого дома / Джек Лондон ;
[перевод с английского В. Станевич]. — Москва : Эксмо,
2022. — 352 с. — (Элегантная классика).

ISBN 978-5-04-116814-8

Дик и Паола — идеальная пара. Сдержанный Дик полностью погружен в работу, да и энергичная Паола сама занимается делами. Их жизнь кипит — в Большом доме часто бывают гости и некогда скучать. Для личного общения у супругов почти нет времени. Однажды к ним приезжает давний друг Дика и перед героиней встает внезапный вопрос, что выбрать — любовь и стабильность или страсть и давно забытую радость жизни?

Джек Лондон считал «Маленькую хозяйку Большого дома» своим лучшим произведением. Полный хитросплетений и интриг роман показывает мощь и глубину чувств, которые способна порождать любовь.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Станевич В., перевод на русский
язык. Наследники, 2022
© Банников Н., перевод стихов.
Наследник, 2022
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-116814-8

ГЛАВА 1

Он проснулся в темноте; проснулся сразу, легко, не сделав ни одного движения, — просто открыл глаза и увидел, что еще темно. Ему не нужно было, подобно большинству людей, сначала пошарить вокруг себя, прислушаться, ощутить внешний мир, — он сразу нашел свое «я» в определенных условиях пространства и времени и без усилий продолжал повесть своей жизни, прерванную сном. Он сразу осознал себя Диком Форрестом — хозяином огромного поместья, который несколько часов назад, уже в полузабытии, заложил спичкой страницу книги, выключил настольную лампу и уснул.

Где-то совсем рядом сочно плескался и лепетал фонтан. Издалека донесся звук — такой слабый и смутный, что его могло уловить только очень чуткое ухо; однако Дик Форрест слышал его и улыбнулся: он сразу узнал глухой хриплый рев Короля Поло, своего лучшего быка из породы шортхорнов, трижды премированного на калифорнийских выставках в Сакраменто. Улыбка долго не сходила с лица Дика Форреста: он рисовал себе те новые победы, которые готовил своему Королю

Поло, — в этом году он собирался отправить его на Восток. Он докажет, что бык, рожденный и выращенный в Калифорнии, вполне может соперничать с лучшими, вскормленными кукурузой, быками штата Айова и даже с привезенными из-за моря, с их исконной родины, шортхорнами.

Улыбка погасла, Форрест потянулся в темноте к ряду кнопок над изголовьем и нажал первую. Кнопки шли в три ряда. Скрытый свет, лившийся сквозь стенки большой чаши под потолком, осветил спальню-веранду, с трех сторон затянутую тонкой медной сеткой. Четвертой стороной служила бетонная стена дома с высокими застекленными дверями.

Он надавил вторую кнопку в том же ряду, и яркий свет озарил то место на стене, где висели часы, барометр и два термометра — Фаренгейта и Цельсия. Скользя по ним взглядом, он сразу прочел их показания: время — 4.30, атмосферное давление — 29,80, нормальное для данной высоты над уровнем моря и для времени года; температура — 36° по Фаренгейту. Другим движением пальца он опять погрузил во мрак измерители времени и температуры.

От нажатия на третью кнопку вспыхнула его рабочая лампа, поставленная так, чтобы свет падал сверху и сзади, не ослепляя глаз.

Первая кнопка погасила невидимую лампу под потолком; Форрест достал с ночного столика пачку гранок, закурил сигарету и, вооружившись карандашом, принялся их править.

Вся обстановка спальни говорила о том, что здесь живет человек, привыкший работать. Каждая вещь в ней была целесообразна, вместе с тем на всем лежал отпечаток отнюдь не спартанского комфорта. Серая эмалированная кровать была под цвет серой стены. В ногах кровати, вместо теплого пледа, лежал халат из волчьих

шкур с висячими хвостами. Ночные туфли стояли на пушистом ковре из меха горной козы.

На ночном столике высились аккуратные стопки книг, журналы, блокноты и еще оставалось место для спичек, сигарет, пепельницы и термоса. На подвижной, прикрепленной к стене подставке стоял диктофон. Со стены, под барометром и термометрами, из круглой деревянной рамки смотрело смеющееся женское личико. И на той же стене, между рядами электрических кнопок и распределительным щитом, висела открытая кобура, из которой торчала рукоятка автоматического «кольта» 44-го калибра.

В шесть часов, минута в минуту, когда серый утренний свет начал просачиваться сквозь проволочную сетку, Дик Форрест, не поднимая глаз от корректуры, протянул правую руку и нажал одну из кнопок во втором ряду. Пять минут спустя на веранду неслышно вошел китаец в мягких туфлях. Он держал в руках начищенный медный подносик, на котором стояли чашка с блюдцем, крошечный серебряный кофейник и такой же молочник.

— С добрым утром, О-Дай, — приветствовал его Дик Форрест, улыбаясь не только губами, но и глазами.

— С добрым утром, хозяин, — ответил О-Дай; он освободил на столе место для подноса, налил в чашку кофе и сливки.

Увидев, что хозяин уже подносит одной рукой чашку к губам, а другой продолжает делать пометки в корректуре, О-Дай поднял с пола обшитый кружевами воздушный розовый чепчик и удалился. Он скрылся беззвучно, исчез, как тень, в открытую застекленную дверь.

В шесть тридцать, минута в минуту, он вернулся с подносом побольше. Дик Форрест отложил гранки, достал книгу, озаглавленную «Промышленное разведение лягушек», и приготовился завтракать. Завтрак был простой, но сытный: снова кофе, полгрейпфрута,

два яйца всмятку, сбитых в стакане с кусочком масла и очень горячих, и ломтик в меру поджаренного бекона; он знал, что это мясо от его свиньи, и притом домашнего копчения.

К этому времени лучи солнца уже хлынули через сетку и залили кровать. С наружной стороны сетки сидело несколько первых весенних мух, ошалевших от ночного холода. Завтракая, Форрест следил за тем, как на них охотятся хищные желтобрюхие осы. Более выносливые и менее чувствительные к заморозкам, чем пчелы, они летали перед сеткой и накидывались на ошалевших мух. Эти воздушные разбойники в желтых камзолах свирепо жужжали и, действуя почти без промаха, схватывали свою жертву и улетали с ней. Последняя муха исчезла раньше, чем Форрест сделал последний глоток кофе и, заложив спичкой книгу о лягушках, принялся опять за корректуру.

Через некоторое время он услышал прозрачную, нежную трель жаворонка — этого первого утреннего певца. Форрест оторвался от работы и взглянул на часы: они показывали семь. Он отложил гранки, взялся за телефон и, нажимая привычной рукой кнопки на распределительном щите, вступил в разговор с целым рядом лиц.

— Алло, О-Пой, — обратился он к первому. — Что мистер Тэйер, встал? Ладно. Не будите. Едва ли он будет завтракать в постели, но вы все-таки справьтесь... Хорошо, и покажите ему, как пускать горячую воду... Может быть, он не знает... Да, да, хорошо... И достаньте как можно скорее еще одного боя. Как только наступает весна, съезжаются гости... Конечно. Словом, на ваше усмотрение. До свидания.

Мистер Хэнли?... Да, — начал он вторую беседу с помощью второго контакта, — я думал насчет Бьюкэйской плотины. Мне нужна смета на доставку гравия и камней... Да, вот именно... Я считаю, что ярд гравия

обойдется примерно на шесть или десять центов дороже щебня. Ужасно мешает подвозу этот последний крутой склон холма... Разработайте смету... Нет, раньше чем через две недели мы начать не сможем... да, да, если новые тракторы подоспеют вовремя, они освободят лошадей от пахоты; но не забудьте, что тракторы придется еще дать на проверку... Нет. Об этом вам придется поговорить с мистером Эверэном. До свидания.

Третья беседа началась так:

— Мистер Досон?.. Ха! Ха!.. У меня на веранде сейчас тридцать шесть градусов. В низинах, наверно, все бело от инея. Но это, пожалуй, последний утренник... Да, поклялись, что тракторы будут доставлены еще два дня назад... Позвоните железнодорожному агенту... Кстати, поговорите за меня и с мистером Хэнли. Я забыл ему сказать, чтобы вместе со второй партией мухоловок он пустил в дело и крысоловки. Да, сейчас же. Сегодня штук двадцать мух грелись на моей сетке... Конечно. Прощайте.

Покончив с разговорами, Форрест быстро встал, сунул ноги в туфли и как был, в пижаме, вошел в дом через открытую дверь, чтобы принять ванну, уже приготовленную для него китайцем О-Даем. Минут через десять Форрест, вымытый и выбритый, снова лежал в постели, погружившись в книгу о лягушках, а пунктуальный О-Дай, все исполнявший минута в минуту, массировал ему ноги.

У Дика были сильные, красивые ноги, и сам он был статный и стройный, рост — пять футов десять дюймов, вес — сто восемьдесят фунтов. Эти ноги могли немало порассказать об их владельце: левое бедро пересекал рубец дюймов в десять длиной; поперек левой лодыжки, от икры до пятки, также шло несколько шрамов величиной с монету. Когда О-Дай посильнее разминал левое колено, Форрест невольно морщился. И на правой голени темнело несколько небольших шрамов,

а глубокий рубец, как раз под коленом, доходил почти до кости. На бедре виднелся след застарелого ранения шириной в три дюйма, испещренный точками от снятых швов.

Внезапно со двора донеслось веселое ржание. Форрест поспешно заложил спичкой нужную страницу лягушачьей книги, перевернулся на бок и посмотрел в ту сторону, откуда донеслось ржание, в то время как О-Дай надевал хозяину носки и башмаки. Внизу на дороге, среди лиловых кистей ранней сирени, появился живописный ковбой верхом на крупном жеребце; в золотых утренних лучах жеребец казался красновато-коричневым; он шел, роняя клочья белоснежной пены, гордо взмахивая гривой, поводил вокруг блестящими глазами, и трубный звук его любовного призыва разносился по зеленеющей равнине.

Дика Форреста в то же мгновение охватили радость и тревога: радость при виде этого великолепного животного, выступавшего между кустами сирени, — и тревога, как бы его ржание не разбудило ту молодую женщину, чье смеющееся личико глядело на него из деревянной рамки на стене. Он бросил быстрый взгляд через двор шириной в двести футов на выступавшее вперед крыло дома, находившееся еще в тени. Шторы на окнах ее веранды-спальни были спущены. Они не шевельнулись. Жеребец снова заржал, но он спугнул только стайку диких канареек — они поднялись из цветущих кустов, которыми был обсажен двор, точно брызнул вверх сноп золотисто-зеленых брызг, брошенный восходящим солнцем.

Следя за жеребцом, Дик Форрест рисовал себе его прекрасное и сильное потомство, этих жеребят без малейшего порока. А когда лошадь скрылась среди сирени, Дик, как обычно, сейчас же возвратился к окружающей его действительности и спросил слугу:

— Ну, как новый бой, О-Дай? Привыкает?

— Мне кажется, он хороший бой, — ответил китаец. — Совсем мальчишка. Все ему ново. Очень медленный. Но ничего, толк выйдет.

— Да? Почему ты так думаешь?

— Я бужу его третье или четвертое утро. Спит, как маленький. Проснулся — улыбается. Совсем как вы. Очень хорошо.

— А разве я улыбаюсь, когда проснусь? — спросил Форрест.

О-Дай усердно закивал:

— Уж сколько раз, сколько лет я бужу вас. И всегда, как глаза откроете, так они уже улыбаются, губы улыбаются, лицо улыбается, весь вы улыбаетесь. Сразу. Это очень хорошо. Если человек так просыпается, значит, ума много. Я знаю. И новый бой — умный. Увидите, скоро-скоро выйдет из него толк. Его зовут Чжоу Гэн. Как вы будете называть его здесь?

— А какие имена у нас уже есть? — спросил он.

— О-Рай, Ой-Ой, Ой-Ли, потом я — О-Дай, — перечислял китаец скороговоркой. — О-Рай говорит, надо назвать нового боя...

Он смолк и лукаво посмотрел на своего хозяина.

Форрест кивнул.

— О-Рай говорит, пусть новый бой будет О-Черт!

— Охо! Здорово! — расхохотался Форрест. — Я вижу, О-Рай шутник! Имя хорошее, только оно не подойдет. А что скажет миссис? Надо придумать что-нибудь другое.

— О-Хо тоже очень хорошее имя.

В ушах у Форреста все еще стояло его собственное восклицание, и он понял, откуда китаец взял это имя.

— Хорошо. Пусть зовется О-Хо.

О-Дай наклонил голову, неслышно выскользнул в дверь и тут же вернулся с остальной одеждой своего хозяина, помог ему надеть нижнюю и верхнюю сорочки, набросил на шею галстук, который тот завязывал

сам, и, опустившись на колени, затянул краги и нацепил шпоры, затем подал широкополую фетровую шляпу и хлыст.

Хлыст был особый, индейского плетения: он состоял из узких полосок сыромятной кожи, в его рукоятку было вделано десять унций свинца, и он висел на ременной петле, которую Дик надел на руку.

Однако Форрест еще не мог уйти из своей комнаты: О-Дай протянул ему несколько писем, их привезли со станции вчера вечером, когда хозяин уже лег. Надорвав правую сторону конвертов, Форрест быстро просмотрел письма и задержался только на одном. Он постоял насупившись, потом быстро подошел к диктофону, отвел его от стены, нажал кнопку, поворачивавшую цилиндр, и поспешно начал диктовать, не делая никаких пауз, чтобы подыскать нужное слово или точнее выразить свою мысль:

«В ответ на ваше письмо от четырнадцатого марта тысяча девятьсот четырнадцатого года должен сообщить, что я весьма огорчен известием о разразившейся у вас свиной холере. Огорчен я тем, что вы сочли возможным возложить на меня ответственность за это. А также тем, что боров, которого мы прислали вам, околел.

Могу вас заверить, что холеры у нас здесь не наблюдается, эта болезнь не появлялась уже в течение восьми лет, за исключением двух случаев, когда два года тому назад ее завезли к нам с Востока; но, согласно нашему правилу, заболевшие свиньи тут же были изолированы и уничтожены раньше, чем зараза перекинулась на наши стада.

Должен заявить вам, что ни в том, ни в другом случае я не могу возложить на продавцов вину за присылку мне больного скота. Как вам известно, инкубационный период свиной холеры продолжается девять дней; проверив дату их погрузки, я убедился в том, что при отправке они были совершенно здоровы.

Разве вам никогда не приходило в голову, что железные дороги чрезвычайно способствуют распространению холеры? Слыхали вы когда-нибудь об окуливании или дезинфекции вагона, в котором ехал больной скот? Сопоставьте даты: во-первых, дату отправки борова мной; во-вторых, время доставки борова вам и, в-третьих, дату появления первых признаков болезни. Вы сообщаете, что по случаю весенних размылов боров был в пути пять дней. Первые симптомы появились только на седьмой день после его доставки вам. Следовательно, прошло двенадцать дней после того, как он был мною отправлен.

Нет. Я с вами не согласен: я не могу нести ответственность за бедствие, постигшее ваши стада. Кроме того, можете справиться в ветеринарном управлении штата, есть ли в моем имении холера.

С уважением...»

ГЛАВА 2

Покинув свою спальню-веранду, Форрест прошел через комфортабельную гардеробную с диванами в оконных нишах, большими ларями и огромным камином, возле которого была дверь в ванную, и направился в комнату, служившую конторой и обставленную соответствующим образом: письменные столы, диктофоны, картотеки и книжные шкафы, а также полки, доходящие до самого потолка и разделенные на клетки и отделения.

Подойдя к книжным полкам, Форрест нажал кнопку — несколько полок повернулось, и открылась узенькая винтовая лестница; он стал осторожно спускаться,

стараясь не зацепить шпорами за полки, автоматически возвращавшиеся на место позади него.

Под лестницей другая кнопка и поворот других полок открыли перед ним вход в длинную низкую комнату, уставленную книгами от пола до потолка. Форрест прямо направился к одной из полок и сразу опустил руку на корешок книги, которая ему понадобилась. Полистав ее, он тут же отыскал нужное место, удовлетворенно кивнул, как бы найдя то, что подтверждало его мысли, и поставил книгу обратно.

Отсюда дверь вела в крытый ход из квадратных бетонных столбов, соединенных поперечными брусьями из калифорнийской секвойи вперемежку с более тонкими брусьями из того же дерева, покрытыми шероховатой морщинистой корой, похожей на красноватый бархат.

Судя по тому, что он сделал несколько сот футов, огибая бесконечные стены огромного бетонного дома, было ясно, что путь он выбрал не самый короткий. Под старыми дубами, у длинной изглоданной коновязи, где вытоптанный копытами гравий свидетельствовал о множестве побывавших здесь лошадей, он увидел кобылу гнедой, вернее, золотисто-коричневой масти. В косых лучах солнца, падавших под навес из листьев, ее холеная шерсть отливала атласным блеском. Все ее существо, казалось, было полно огня и жизни. Сложением она напоминала жеребца, а бежавшая вдоль спинного хребта узенькая темная полоска говорила о многих поколениях мустангов.

— Ну, как сегодня настроение у Фурии? — спросил Форрест, снимая с ее шеи уздечку.

Лошадь заложила назад свои ушки, самые маленькие, какие только могут быть у лошади, показывавшие, что она — дитя любви горячих чистокровных жеребцов и диких горных кобылиц, и сердито оскалила зубы, сверкая злыми глазами.

Когда Форрест вскочил в седло, она метнулась в сторону и попыталась сбросить седока, а потом заплясала по усыпанной гравием дорожке. Вероятно, ей удалось бы подняться на дыбы, если бы не мартингал — этот ремень удерживал лошадь от слишком резких движений и вместе с тем предохранял нос седока от сердитых взмахов ее головы.

Дик настолько привык к этой кобыле, что почти не замечал ее выходок. То чуть прикасаясь поводьями к ее выгнутой шее, то слегка щекоча ей бока шпорами или нажимая шенкелем, он почти бессознательно заставлял ее идти в нужном направлении. Один раз, когда она опять завертелась и заплясала, он на миг увидел Большой дом. Да, дом был велик, но благодаря своей архитектуре казался больше, чем на самом деле. Он вытянулся по фасаду на восемьдесят футов, однако в нем немало места занимали галереи с бетонными стенами и черепичными крышами, соединявшие между собой отдельные части здания. Там были внутренние дворики, крытые ходы и переходы, и вся постройка со своими стенами, прямоугольными выступами и нишами как бы вырастала из гущи зелени и цветов.

Большой дом, несомненно, нес на себе отпечаток испанского стиля, но не принадлежал к тому типу зданий, который был занесен сюда через Мексику лет сто тому назад и на основе которого позднейшие архитекторы создали так называемый испано-калифорнийский стиль. Архитектуру Большого дома, при всей ее разнородности, скорее можно было определить как испано-мавританскую, хотя находились знатоки, горячо возражавшие и против такого определения.

Просторен, но не суров, красив, но не претенциозен — таково было общее впечатление, которое производил Большой дом. Его длинные горизонтальные линии, прерываемые лишь вертикальными линиями выступов и ниш, всегда прямоугольных, придавали ему